

В дневнике 20.08.1946:

Товарищ полковник!

Ввиду того, что рапорт с ходатайством о предоставлении мне отпуска и с указанием неотложных причин, вынудивших меня просить отпуск немедленно (как то: серьезная болезнь матери, гибель от рук немецких негодяев всех родственников по линии отца, тяжелое материальное положение моих родных и многое прочее) не встретил надлежащего рассмотрения со стороны начальника Базы материалов и оборудования капитана Юрьева и фактически оказался упрятым под сукно с добавлением издевательской резолюции: «Зачислить в график отпусков», считаю нужным обратиться с рапортом лично к Вам, просить помощи и участия в немаловажном для меня вопросе об отпуске.

В период подачи рапорта капитану Юрьеву я находился в командировке и редко навещал Базу, но и в эти случайные дни пребывания в части я неоднократно спрашивал о судьбе моего рапорта, на что получал неизменный ответ капитана Юрьева: «Рапорт ваш направлен в бригаду», или «Рапорт ваш у командира бригады, я передал», или «Командир бригады, по-видимому, не утвердил ваш отпуск, раз нет ответа».

В конце второго месяца со дня подачи рапорта, когда я окончательно явился на Базу с тем, чтобы больше не уезжать и опять напомнил о рапорте, капитан Юрьев сказал, что из бригады не отвечают. Я решил узнать о судьбе моего рапорта лично, но в отделе кадров, куда я обратился за разъяснением, мне ответили, что рапорт мой ни разу за это время не встречали. Когда я доложил об этом начальнику Базы, он ошарашил меня своей неискренностью:

- Ваш рапорт у нас в канцелярии, я наложил на нем резолюцию «зачислить лейтенанта Гельфанда в график отпусков». Придет время - поедете.

- А как же тогда с вашими заверениями, которые вы мне давали прежде, что рапорт передан для рассмотрения командиру бригады и т.д.?

-Я этого не говорил.

Шло время и я не знал что предпринять дальше. Однажды во время беседы с Вами, Вы посоветовали направить рапорт Вам лично, что я и сделал, упустив предпосланное ему сейчас предисловие, в результате он был возвращен, а капитан Юрьев поспешил наложить на меня взыскание.

Направляю Вам вторично копию моего рапорта.

Черновик рапорта, август 1946 г.

Ввиду того, что рапорт с ходатайством о предоставлении мне отпуска и с указанием неотложных причин, вынудивших меня просить его немедленно (как то, серьезная болезнь матери, гибель всех родственников по линии отца во время немецкой оккупации, тяжелое материальное положение моих родных и многое другое), не встретил должного рассмотрения со стороны начальника Базы капитана Юрьева и фактически оказался упрятым под сукно с добавлением, правда, издевательской резолюции «зачислить в график отпусков» (о чем я два месяца не знал).

Считаю нужным обратиться с рапортом лично к Вам, просить помощи и внимания в моем немаловажном для меня вопросе. В период подачи рапорта я находился в командировке и редко бывал в части. В случайные дни пребывания на Базе я неоднократно спрашивал о судьбе моего рапорта, на что получал неизменный ответ капитана Юрьева «Рапорт ваш направил [...] бригаду. Или «Рапорт [...]

Переживания, связанные с вышеизложенным, особенно слезные письма матери и удручающие – отца, сильно отражаются на моем душевном состоянии, здоровье (за последние дни я потерял более 7 кг. веса) и что особенно весьма важно – работе.

Лейтенант Гельфанд